
ИРИНА
РАССКАЗОВА
МОЙ РАЙ
И
АД:
МАМА
ДУРАК
Я РАБОТАЛА В ШКОЛЕ

Ирина Валерьевна Рассказова

Мой рай и ад: я работала в школе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74687036
Мой рай и ад: я работала в школе:
ISBN 978-5-00269-307-8

Аннотация

«Мой рай и ад: я работала в школе» – автобиографическое повествование учителя начальных классов и английского языка, преподавателя высшей категории с 25-летним стажем практической работы Ирины Валерьевны Рассказовой, в котором со всей откровенностью повествуется о реалиях современного образования, иногда шокирующих, и о «подводных камнях» в работе учителя. Автор пишет не только о победах, но и о промахах и ошибках на своем пути.

Книга будет интересна учителям-практикам, как опытным, так и начинающим карьеру, родителям, которые найдут в ней ответы на многие вопросы о воспитании детей и особенностях современной школы, а также всем, кому небезразлична ситуация, сложившаяся в российском образовании.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая 5
Учитель, который не хотел идти в школу 5
Директор на мотоцикле 18
Обратная сторона школьной медали 29
Украденный первый класс 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Ирина Валерьевна Рассказова
Мой рай и ад
Я работала в школе

Моей маме, Нине Борисовне Моисеевой. Без тебя не было бы этого труда.

Пугаться нельзя. Кто начнет пугаться – тот сразу все проиграет.
В. Путин (из выступления)

Сражения выигрывают учителя.
О. Бисмарк

В условиях гибридной войны
педагоги должны находиться
на переднем крае,
они должны формировать личность.
Н. Патрушев

Некоторые имена взрослых и детей, а также номера школ изменены

© Рассказова И. В., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая
Зонтик над классом

Учитель, который не хотел идти в школу

В детском саду каких только профессий я не примеряла на себя. Сходила в парикмахерскую «Чародейка» с бабушкой – заворожили ряды разноцветных флакончиков с лаком и запах средств для химической завивки – буду парикмахером. Побывала у стоматолога и получила в подарок кукольные инструменты – зубы лечить оказалось не страшно – буду зубным врачом. Восхищалась ловкостью, с которой детсадовские нянечки протирали наши столы после обеда и оставляли до блеска отмытый линолеум, один раз махнув тряпкой, – обязательно буду уборщицей.

«Все работы хороши: выбирай на вкус» – звучал в ушах избитый советский лозунг. Любой труд почетен. Тогда я не понимала, что не любой. И даже представить себе не могла, *насколько* не любой. Сейчас думаю – может, все было бы проще, стань я уборщицей? Но, наверное, даже тогда я пыталась бы внести что-то свое в давно понятную всем работу и умудрилась бы нажить проблем.

Я родилась и первые десять лет прожила во Владимире. Очень спокойное время, у меня было ощущение полного счастья. Мы жили с бабушкой, мама училась в аспирантуре в Москве и приезжала каждые две недели. Я скучала и ждала ее, она привозила с собой очень родной, но какой-то московский, будоражащий запах, а еще целую сумку всего того, чего во Владимире в те советские времена было не купить: пепси-колу, бананы, забавные игрушки, одежду, а однажды даже велосипед. Москва казалась раем, как для многих когда-то – Америка, и втайне я мечтала уехать в столицу. Тогда я не могла предположить, что Москва ответит мне совсем не тем, на что я надеялась.

В школу я идти не хотела. Большинство детей – хочет; мало кто понимает, зачем, но ради нового статуса – уж точно: я школьник, я большой! К концу первого месяца они разбираются, что к чему, а дальше – дальше все зависит уже от родителей…

Рай:

Мою первую учительницу Ирину Константиновну Наумову я помню только обращенной к нам лицом: вот она объясняет урок у доски, вот склонилась над тетрадями во второй половине дня, вот зорко следит за нами на перемене. Строгие серые глаза, чаще недовольные, чем довольные. Самым странным и интересным мне казалось то, что она видит нас как-то совсем иначе, с другой точки. Это я

уже тогда понимала. И одним из моих желаний было хоть на секунду встать за ее стол. На ее место. Просто почувствовать, как это. «Еще бы, – думала я, – наверное, все просто: видишь сверху, кто чем занят. Она же выше… И командуешь». Но просто подойти или попросить сесть на место учителя никто бы не решился, так что путь туда был заказан. И вот однажды возможность представилась. Я пользовалась доверием Ирины Константиновны, возможно, что-то такое она во мне чувствовала. В тот день она вела нас в столовую и вдруг вспомнила, что оставила на столе нужную вещь. Дала мне ключ от класса и отправила обратно.

Я открыла класс, он был пуст. Вот он, мой шанс. Помню, я осторожно, чтобы ничего не сдвинуть, села на ее стул. Потом встала и посмотрела на парты, вдаль, представила сидящих за ними детей. Оглянулась на дверь, взяла дыхание. Попыталась произнести: «Дорогие мои, открываем тетради номер один, пишем число. Классная работа, сегодня двадцатое марта…» И поняла, что не могу. Меня не слышно. Мои усилия – словно попытка поднять огромную штангу, которую я вижу первый раз в жизни. Я только прикоснулась, только попыталась встать на место учителя. И поняла, что будет непросто. Что нужно много чего уметь и знать, чтобы держать класс, чтобы

чувствовать себя как рыба в воде здесь, на этом месте. Я ощутила, что это огромный труд, и вот лишь малая его часть, а я не смогла и этого. Но уже тогда для себя решила: я вырасту, выучусь и сумею. Я буду не хуже. Я сделаю.

Десятилетия спустя директор школы, в которой я к тому времени проработала двенадцать лет, скажет в зале суда обо мне: чтобы попасть в класс к Рассказовой, родители «жгли костры» возле школы. А представитель родительского комитета подтвердит на том же суде, что к Рассказовой – девяносто желающих, но администрация, к сожалению, не может открыть для нее одновременно три первых класса. В тот момент я пойму, что состоялась как педагог. Но все это будет еще так нескоро…

Рай:

Ирина Константиновна уже тогда приближалась к пенсионному возрасту, но она была настоящим, крепким профессионалом. Откровенно скажу: за почти пятьдесят лет моей жизни я встретила от силы пару учителей, кто мог бы с ней сравниться. Пытаясь разгадать секрет успеха Ирины Константиновны, я осознаю, что она была и учителем, и воспитателем, и наставником, и актрисой, и судьей, и мамой, и совестью нашей. И любила нас, не жалея, и наказывала, и боролась за каждого, за наши души, и пропускала через себя все наши ошибки

и поражения. И, спрашивая с нас, спрашивала и с себя.

Я помню некоторые ее уроки так ярко, словно это было вчера. Вырезанные Ириной Константиновной чашечки с синим горохом приклеивались к доске пластилином (о магнитах и скотче тогда речи не было), а за чашечками прятались примеры. Это был завершающий этап большого путешествия. Мы спасали сказочного героя. Он и по дорожке бежал, и через реку нужный мосточек прокладывал – и благодаря нам, детям, в реку не свалился, потому что мы вычислили и начертили нужный отрезок. А из чашечек мы с Буратино пили чай в гостях у Мальвины. Но наклеить все это на доску несложно, вырезать – тоже. А запомнилось ощущение праздника, включенности, радости от усилий, приносящих результат. Я не знал, а теперь – *знаю*.

Я не помню, чтобы на уроках кто-то из одноклассников заскучал. Сама Ирина Константиновна – теперь я это понимаю – забывала вместе с нами обо всем и получала огромное удовольствие от урока. Мы тянули руки, и она увлеченно решала задачку вместе с нами. И я не могу припомнить ни одной ошибки, ни одной описки, которую она допустила бы на уроке, а уж в тетрадях – тем более.

Однажды я проходила мимо учителей, которые на пере-

мене делились друг с другом, как прошел урок. В то время в параллели давали одну и ту же тему буквально день в день. И я услышала: «Сегодня деление на однозначное давала, вся в поту…» Детский мой мозг не понял, я про себя удивилась: «Это так сложно? Не может быть…» Теперь я знаю: работать так, как Ирина Константиновна – на разрыв, как сыграть «Юнону и Авось» – каждый день – да, это «вся в поту», это сложно. И с первых дней моей работы после вуза я поняла: *урок удается, только если ты отдаешь частичку себя*. Каждый день.

Настоящие учителя, каких сегодня осталось мало, работают именно так потому, что это их призвание, а не потому, что хотят за это больших денег, славы, признания или подарков. Просто они так живут – как дышат. А те, кто ждет подарков, как раз так не умеют. Они учителя только по образованию. Не больше. Хотя наверняка тоже хорошие люди. Но если настоящим Учителям не нужны подарки и слава, то на человеческое уважение они могут и должны рассчитывать, потому что своим примером, своей жизнью, уважением к собственной профессии и ученикам они это заслужили.

Но сейчас все чаще они получают в ответ хамство и унижение, и не только от родителей, но и от администрации школ – от тех, кто, казалось бы, должен понимать учителей лучше всего, так как изначально они – коллеги. Или нет?

Так что наставников таких почти уже нет, люди, вы их предали.

Воспитать истинное чувство собственного достоинства может только тот, кто сам им обладает. Он не даст себя растоптать. Поэтому такие Учителя уходят из школ. И что бы вы ни делали, они не вернутся. Они не терпят халтуры, подмены понятий, попыток усомниться в вечных ценностях. Леность, дурные поступки, нежелание преодолевать трудности – это не должно становиться для детей нормой, это должно наказываться. Иначе система рухнет. Так и произошло.

Ад:

Рассказывает учительница со стажем более 20 лет, филолог. Ее ученики сдавали ЕГЭ на 100 баллов. Она пришла в самую крупную и известную московскую школу номер 5… (директор – народный учитель), где существуют специализированные классы, где сохранился отбор и куда непросто попасть. Получила филологический класс: это история, языки, русский и литература прежде всего. Дети, поступающие туда, и их родители должны бы быть неглупыми, культурными, уж по крайней мере нацеленными на учебу именно в гуманитарном классе, где всегда много чтения, много текстов, в том числе наизусть. Иначе не добиться результата в этой сфере. Учитель в первый месяц работы поняла: дети, прошедшие отбор в такой класс, не читают. С произведениями знакомятся только в кратком изложении, стихи запоминать не приучены

и не собираются. Задала им программные стихотворения для 10 класса – не выучили. Результат – вереница «двоек» в журнале в конце триместра. Но этим не закончилось. Учитель получила оскорбления в чате и жалобу в администрацию школы и выше. Претензии родителей: как вы могли задать учить им что-то наизусть (это же так трудно!) и выставить колонку «неудов».

Еще один случай, уже в другой школе: одна «яжемать» пожаловалась в департамент образования на то, что учительница открыла тетрадь первоклассницы на нужной странице, дала ручку и попросила начать писать вместе со всеми. Претензия: «Как посмел учитель открыть тетрадь моего ребенка, то есть тронуть вещь, которая ей не принадлежит, и заставить что-то делать? Дома ничего не заставляем, все по желанию. Вот и в школе – когда захочет, тогда и откроет тетрадь!»

Легко представить, сколько учителей могло уволиться после общения с этой мамашей, пока ее дочь не получила аттестат. Я думаю, что первой, кто столкнется с результатами такого воспитания, будет сама эта мама в старости. Воистину, мир сошел с ума. Узнав об этих историях, прочитав множество подобных в интернете (про интернет часто думаю, что фейк и, что называется, «делю на два», но здесь-то – из первых рук!) – хочется крикнуть: родители, а что вы хотели

за невыученный урок? Пятерки?! И с чего вы решили, что лучше учителя знаете, как готовить выпускников, как вести урок у первоклашек? Когда, кто вас убедил, что здесь вы можете диктовать что-то? И чего вы добиваетесь? Вы добиваетесь для своих детей права остаться неучами? Зачем?

У китайцев есть поговорка: пожалел палку – потерял сына. У нас – аналогичная: учи дитя, пока поперек лавки лежит. Древние не отрицали принуждения при обучении чему бы то ни было. Да, надо заставлять. А как вы хотели?

Что касается случая с невыученными программными стихотворениями в самой большой школе Москвы, к чести директора, конфликт как-то замяли и «неудов» не исправили. Но учителя все же вызывали на ковер. Видимо, пытались объяснить что-то в духе «не умеете работать с родителями». Формулировка эта стала модной, я и мои коллеги слышали ее множество раз, и расчет верный: учитель на явную глупость со стороны администрации даже не знает, что ответить, и молчит. Что значит «не умеете работать»? В чем мы должны убеждать взрослых людей? Разве не родитель с нами вместе, в одной связке должны трудиться над тем, чтоб вылепить из каждого чада образованного и воспитанного человека? И разве не вы, администрация, первые и главные люди, кто должен им это объяснить? Чего вы боитесь? Что прикрываете? Или кого? Что защищаете, заставляя себя подпевать жалобщикам, растаптывая хороших профессионалов? Кто вас призывает и вынуждает предавать нас, коллег? По-

верить не могу, что вы искренни в ваших мотивах.

Ничего не могу с собой поделать, мне вспоминаются предатели (простите за жестокое сравнение). Когда им задавали вопрос, что их заставило идти против собственного народа, они отвечали: мы думали, что так надо, так правильно. Они находили оправдание себе. Время, мол, было такое. Что же сейчас за время, когда надо смешать учителя с грязью и пытаться убедить его, что он ничего не стоит, что он неправильно учит – только потому, что им недоволен *«потребитель образовательных услуг»*?!

И ведь как ни ужасно, многих учителей удается в этом убедить. И идут, и извиняются. Извиняются за то, в чем не виноваты. Мало кто пытается постоять за себя. Нет сил, времени, а чаще – нет воли. Есть страх, что останешься без работы. Боишься прогневать царя-батюшку, еще чего-то боишься. Борешься с собой: плевать, пусть живут, как хотят, это не мои дети. Пусть не учатся. Но ведь «сегодня – дети, а завтра – народ». Настоящий учитель готов бороться за детские души. Выставляя «два», он показывает ребенку: так нельзя, переделай, вот чего ты пока стоил в этой работе, у тебя пока не получилось, надо трудиться. Только через труд можно выиграть. Освоить, усвоить, победить. И это нормально. Но объяснять то же самое родителям, мало того – еще и администрации мы не готовы. И непонятно, почему мы должны это делать. Потому что это унижение нашего достоинства. Разве все это не очевидно взрослым людям? Если не учил – «два».

Иначе теряется весь смысл: результат будет, в том числе и моральное удовлетворение от знаний, когда ты преодолеваешь себя. А нам бьют по рукам и не дают этому учить. Хуже: дети знают, что им нарисуют любые отметки, которые захотят они сами и их родители. И самое ужасное, что они правы: нарисуют.

Я уверена: учитель должен быть свободен от ответственности за детскую и родительскую лень. Точка.

В советское время, когда я росла, некоторым тоже, говоря простым современным языком, учеба «не заходила». Но учительский труд был в почете, и никому не приходило в голову качать права, требовать ту или иную отметку, несмотря на явное отсутствие знаний по предмету (если знания есть, не придется ничего требовать, пятерка и так обеспечена). В правоте учителей не сомневались, их уважали. Сейчас проще заставить школу поставить нужную оценку, чем получить ее заслуженно, выучив тему. Дети не получают радости от знания. Они не понимают, что без труда не будет и рыбки из пруда, потому что имеют все и так, без усилий. А это неправильно.

В советской школе было только так: если у тебя тройка – то не зря, значит, ты не знаешь на больший балл. И не сможешь выбирать профессии, которые тебе не по плечу. Из-за собственной ли лени или по другим причинам – уже второй вопрос. Хотя мой опыт убеждает меня в одном: как правило, дело в лени. И в том, что ребенку не хватает поддержки

семьи. Хотя это тоже вид лени, я считаю. Я не касаюсь сейчас проблем со здоровьем, которые не позволяют учиться в полную силу, об этом в книге будет отдельная глава.

Были способы заставить работать. Тебе будет стыдно перед классом, тебя не примут в октябрята, в пионеры, в комсомол. В конце концов, дети стремились заслужить уважение учителя. И я пишу об этом не для того, чтобы впустую сожалеть об утраченном времени моего детства, а чтобы проанализировать, что происходит сейчас.

Очевидно одно: тогда способы воздействия на детей существовали, сейчас их нет. Родители и школа находились, что называется, в одном окопе, и все было направлено на то, чтобы и ребенок перешел на их сторону. И чем скорее это происходило, тем увереннее он становился полноценным членом общества.

Сейчас самые важные для ребенка люди – учителя и родители – по разные стороны баррикад.

Конечно, родители ближе, и ребенок примет ту модель поведения, которую транслирует семья, как бы ни боролся учитель. Сколько бы ни объяснял педагог, что нельзя бросать фантики на улице, сколько бы ни показывал это своим личным примером, но если отец и мать швыряют бумажки мимо урны, ребенок будет делать так же. А поскольку ценности у семьи и школы подчас сильно разнятся, это в итоге означает развал образования.

Я не хотела идти в школу, потому что тоже сперва не хо-

тела трудиться. Теперь понимаю, что дело было еще и в возрасте. Мне исполнилось всего шесть, а в первый класс в то время брали только с семи. Но меня приняли – потому, что к шести годам я умела читать, для того времени редкость. Читать научила мама, она заставляла меня, и регулярные занятия я воспринимала как необходимость. Мама у меня с сильным характером, возражать ей было бесполезно. Да и в глубине души я понимала, что она делает все правильно. Потому подчинялась. Училась бороться с собой. Чтобы сделать «через не могу», нужна воля, а ее развить труднее всего, потому что человек по натуре своей ленив. Но трудно передать, какую радость я испытала, когда выяснилось, что благодаря стараниям мамы я читаю чуть ли не лучше всех в классе. Причем колоссальное преимущество проявилось не только на уроках чтения: у меня обнаружилась интуитивная грамотность. И я искренне удивлялась, как мои одноклассники могут делать ошибки в том или ином слове.

Теперь я понимаю: это связано с ранним чтением. Раз увидев напечатанное слово, я запоминала его написание, а знаки препинания для меня были как пауза, где нужно взять дыхание. Все правила, которые мы проходили на уроках русского языка, для меня лишь подводили «научную базу» под то, что мне было уже известно. Любое правило можно вывести, если его не помнишь. Но, несмотря на это, по русскому у меня в начальной школе была стабильная тройка, потому что я писала хоть и грамотно, но до безобразия неаккуратно. И

до сих пор я считаю те тройки справедливыми. Потому что учеба – это не только приобретение знаний. Это воспитание ответственности за то, что и как ты делаешь. И система работала, никто из родителей не пытался ее оспаривать. Учителям верили, с ними были заодно.

Но самое главное, что я приобрела в школе в первый же день своего появления в ней – это цель, к которой, я сразу поняла, буду идти всю жизнь и обязательно ее достигну. Я выбрала профессию. Решила, что стану учителем начальных классов.

Директор на мотоцикле

Меня потряс до глубины души один эксперимент, который был проведен в советское время. В комнату с двумя световыми мишенями и ружьем по одному заводили учеников и объясняли: если ты выстрелишь в одну мишень, получишь выгоду для себя, в другую – для всего класса. И демонстрировали *якобы* почти уже заполненную его одноклассниками мишень «личной выгоды». Однако большинство выдержали испытание с честью. Почти каждый выстрелил в «общественную» мишень. Можно задаться вопросом: какой результат был бы сегодня?

Очень хорошо помню уроки, посвященные Великой Отечественной войне. Ирина Константиновна плакала. Плакали мы. Она находила слова для нас, маленьких детей. Мальчиш-

ки сжимали кулачки. Примеряли на себя. Воспитывай волю – с малого: нет сил, а добеги кросс на физкультуре. Поделись конфетой с товарищем, не ешь сам. Мы говорили о том, как оставались людьми жители блокадного Ленинграда. Это проникало в нас, детей, не видевших войны и голода. Трепетное, жгучее до слез восхищение, восторженное отношение к ветеранам я пронесла через всю жизнь. И потому уже в наше время моя семья не оказалась в стороне: мы делали сухой душ, блиндажные свечи для бойцов, собирали средства на беспилотники. Ничто не может сравниться с тем, какую ношу несут там, на передовой наши ребята во все времена. И если я их хоть немного согрею этой свечкой, хоть на один день – я буду счастлива. Самый любимый мой праздник – День Победы, 9 мая. Не могу ни думать, ни говорить об этом без слез.

Я знаю, что все дети, которые учились у Ирины Константиновны, пропустили это через себя. Мы играли в нашу победу после уроков. И побеждали немцев. Мы все выросли людьми, не понимающими многих современных реалий. Мы учились в обычном, «неотобранном» классе. Наши родители не позволяли себе отправить нас в школу без выполненного домашнего задания. Это было бы стыдно. Маленький штрих: все мои одноклассники получили высшее образование.

Ад:

Пожилая учительница в современной школе эмоционально провела урок о Великой

Отечественной войне, дети плакали. Господи, какой успех наставника, какая молодец. Но нашлась «яжемать» – простите, далее в книге буду употреблять это слово без кавычек – написала на учителя жалобу: как можно так провести урок, что ребенок пришел домой в слезах. В итоге учительница написала заявление по собственному желанию. Мать не понимает, что ее дочери достался настоящий педагог, и у нее поднимается рука писать кляузы и разрушать то хорошее, что еще остается в школе.

Рай:

Чуть забегу вперед, но касаясь темы Великой Отечественной, не могу об этом не написать. Одной из главных своих побед считаю не высокие показатели успеваемости, не почетные грамоты, а вот этот эпизод.

Каждый год с марта или апреля я начинаю беседовать со своими учениками о шагах к Великой Победе. Рассказываю о главных сражениях, нахожу стихи на эту тему, эпизоды из фильмов. Делаю это уже в который раз, но и сейчас часто голос мой дрожит, не могу сдержаться. Слушают внимательно. Радуюсь, если хотя бы у кого-то из детей промелькнет слезинка. Не реагируют те – точно это знаю – у кого дома не поддерживается зароненное мной зерно, не поливается… И вот к 9 мая в школе

организовали концерт, пригласили ветеранов. Мои дети прошли в зал, сели далеко от входа, ближе к сцене. А мне нужно было дождаться кого-то из родителей возле охраны – сейчас не могу вспомнить, что за важная причина, почему я к началу концерта оказалась не с классом. Родитель опоздал. И я влетела в зал в тот момент, когда по расстеленной красной дорожке уже шли – медленно, опираясь на палочки, – старички-ветераны. И мой класс встал. Сам, без моей подсказки. Только мой класс, один из всей школы. И стоя аплодировал.

Я поняла, что победила. Не помню, отчего больше у меня текли тогда слезы: от гордости за своих учеников или от торжественности момента? Не знаю.

Как «держать» класс, даже если не видишь прямо сейчас глаз и лиц? Этим тонкостям не учат в вузах, вернее, далеко не везде учат. Мне досталась на дипломной практике наставница, чем-то похожая на Ирину Константиновну, я задала ей вопрос о том, чего не было в программе, и она рассказала мне про «зонтик».

– Это сложно, приходит со временем, но если ты будешь об этом помнить, у тебя появятся «глаза на затылке». Надо встать в центре класса и представить, что ты раскрываешь над ним большой темный зонт. Он охватывает тебя и всех детей. И ты постоянно следишь, объясняя материал

и беседуя с ними, не капает ли дождь на кого-то, все ли под зонтом.

Теперь я это умею. Почти никогда не капает. Но пока «держишь зонт» весь урок, вот тут он и есть, тот самый пот… Все просто, и все сложно.

Ад:

Коллега искала работу в Москве и проходила собеседование в школе в Марьиной Роще. С ней разговаривали заместители, было очевидно, что она подходит, ее тоже все устраивало. Перед встречей с директором замы зачем-то предупредили: «Он у нас молодой. Ездит на мотоцикле». Ничего другого, кроме того, что он большой оригинал, ей в голову не пришло, пока она не оказалась в его кабинете. (Надо сказать, чтобы попасть работать в эту школу, нужно дать пробный урок; стажа, категории и диплома недостаточно. Коллега урок провела, но директор не пришел, заместители сняли для него видео.)

Во время собеседования видео вывели на экран, но директор на него не взглянул, а спросил: «Какие у вас дефициты при подготовке к урокам?» Коллега удивилась вопросу и честно сказала: «Никаких». Действительно, какие могут быть дефициты? С таким стажем любую тему даешь с закрытыми глазами. Если и нужно найти какой-то материал – книги, интернет в твоем распоряжении. А если у тебя «дефициты» после

стольких лет работы – ты не учитель. В ответ коллега услышала от приехавшего на мотоцикле менеджера-директора – которого, кстати, ей пришлось прождать три часа: «Ответ неверный, мне с вами все ясно. Дефициты есть всегда и у всех в любом деле». Обстановка в кабинете при этом впечатляла (а опытный взгляд высвечивает все, от уровня культуры до комплексов его хозяина): директор сидит за столом в своем кресле, а кандидат и завучи, пожилые женщины, стоят перед ним в ряд, полукругом. Сесть никому не позволено. И вдруг коллега ощущает тычок в бок и слышит шепот: «Выпрямитесь! Он у нас сутулых не любит!»

Большего унижения она не испытывала за всю жизнь. Звонила мне, плакала: «За что?» Я успокаивала: «Да это счастье, что тебя туда не взяли, под таким работать – себя не уважать!» И думала: что сказала бы Ирина Константиновна, столкнувшись с этаким юнцом, маленьким царьком? Как бы ответила? Была бы потрясена? Насколько? Ведь пожилые женщины с огромным опытом работают там и вытягиваются в струнку перед столом юного директора. Зачем?

Я зашла на официальный сайт школы. Там даже не было указано, какое образование получил этот директор…

Я убеждена, что деньги пахнут. Есть вещи, которые

нельзя делать ни при каких условиях. Ни за какие деньги нельзя терять себя. Есть у человека «предел сжатия», как у пружины, как говорили в известном фильме. Неужели этот предел у людей настолько разный?

Запомнился один методический прием у Ирины Константиновны: коллективное комментируемое письмо. Учитель диктует предложение, ученик повторяет. Начинает писать и одновременно вслух объясняет орфограммы, которые встречаются в тексте. Все пройденные. В идеале все пишут в одном темпе. Отвлечься нельзя – отстанешь. Ясно, что кто-то пишет чуть быстрее, кто-то чуть медленнее. Но в этом тоже особый смысл: задача усложняется, ведь нужно держать в голове и то, что прямо сейчас диктует учитель, и то, что успеваешь сейчас ты. Это невероятно трудно, а еще труднее – организовать в классе такую работу, помня, что у детей разные успехи в освоении письма. Ирина Константиновна умела. Она использовала этот прием на каждом уроке. Не думаю, что я в полной мере овладела этим навыком. Но это самая настоящая работа по огранке будущего бриллианта – обученного малыша, становление письменной грамотности. На которую мой педагог не жалела сил и времени. И только когда все было усвоено, давала контрольный диктант по теме.

То же с математикой. Контрольные устраивали редко. *В основном мы решали и решали, набивали руку. Много при-*

меров, много задач. Каждый день. Основа основ, черновой труд, тренировка. То, что не любишь показывать на открытых уроках. Но это и есть главная учительская работа.

Рай:

Контрольные – вообще особая история. Здесь мы видели актрису – Ирину Константиновну во всей красе. Со сценическими паузами, достойными театральных подмостков, являла она нашим взорам пачку тетрадей для контрольных работ, обернутых цветной бумагой. Красной – пятерки, синей – четверки, зеленой – тройки, черной – двойки. И никто не знал, кто из нас слабое звено, кто тянет класс назад. Просто вместе переживали, если зеленых и черных полосок в стопке было больше, чем красных и синих. Затем мы говорили о недостойном поведении, об ответственности октябрятских «звездочек», о звании пионера… Цель была одна: затронуть самые тонкие стороны наших душ, чтобы мы прониклись. Научить нас не быть равнодушными. Помню день, когда мы увидели много красных корешков – и ни одного черного. Мы кричали «ура!». Ирина Константиновна не останавливала нас. Она радовалась вместе с нами. А потом все же осадила. Нельзя останавливаться, нельзя успокаиваться. Теперь я понимаю: она учила нас жить. Быть настоящими. Я все очень живо воспринимала. Все мотала на ус.

Брала на вооружение.

Я представить себе не могла тогда, что пройдет пара десятков лет, и именно за эти лучшие качества, которые нам прививали таким трудом, я буду расплачиваться своей судьбой, своим здоровьем, своим счастьем в профессии. Меня ждало впереди много лишений, боли… говоря честно – меня ждала настоящая трагедия.

Но даже теперь, оглядываясь назад, я не жалею, что я такая, какая есть, и я останусь собой. Думаю, благодаря Ирине Константиновне я сильно отличаюсь от многих своих коллег.

Ад:

В школе 203… я проработала недолго. Директором тогда была не педагог, а юрист. По слухам, ее муж, бизнесмен, пивной магнат, благодаря связям устроил жену на эту должность. Что у нее было идеально – так это документы, договоры, все с юридической точностью. Но в педагогике она не понимала ничего. Как-то пришла ко мне в класс как к новому учителю, познакомиться, и сказала: «За урок я должна запомнить, как каждого из детей зовут, а у вас я не запомнила; значит, урок плохой. Так что если вы будете давать такие уроки, ищите себе другое место». Рядом стояла завуч и подпевала. Я была в ужасе. Проработав к тому времени около десяти лет, я уже кое в чем разбиралась,

но все же считала, что директор, раз занимает эту должность, понимает больше. Но тут впервые подумала, что могу ошибаться. Таких критериев оценки урока я еще никогда не встречала. И впервые в жизни усомнилась в правоте человека, который выше по статусу.

Я хорошо обдумала и решила рискнуть: как в омут головой. Собрала все возможные документы, конспекты уроков и поехала с жалобой в Департамент образования Москвы. В те времена для подтверждения категории, например, вызывали комиссию из департамента, все боялись этих визитов как огня, радовались, если комиссия по какой-то причине не приезжала. Но я сознательно пошла на то, чтобы пригласить комиссию на свой урок. Я решила: если бред, который я услышала от директора, вдруг (!) подтвердят и в департаменте, я уйду из профессии.

Тогда представительства департамента были в каждом округе Москвы. Думаю, сейчас в подобной проблеме никто не стал бы разбираться, меня просто растоптали бы, подпев нерадивой директрисе. Но тогда справедливости можно было добиться. Наверное, представителей департамента еще и поразила моя дерзость: думаю, ни один учитель по своей инициативе их еще в школу не вызывал.

Я провела урок. Когда комиссия собиралась уходить, я услышала из приоткрытой двери: «Не трогайте эту девочку,

она может сделать урок из ничего». Я поняла, что ставка была сделана верно, я победила. Мне, однако, представители департамента посоветовали: с администрацией надо дружить. Я поблагодарила за совет, за участие и понимание, но ответила: нет, на таких условиях дружить я ни с кем не буду.

Рай:

Я слушала, как отвечали мои одноклассники на уроках у Ирины Константиновны, и особенно меня интересовали те, кто не очень хорошо понимал материал. Мне хотелось разобраться: как Ирина Константиновна добивается понимания? И скоро я обнаружила, что получается у нее не всегда. Я поставила себе цель найти рецепт. Сейчас я знаю, что есть понятия: методически верно, методически неверно. Да нет, я считаю, что не должно быть такого понятия.

Просто нужно представить, что ты мама, и перед тобой твой маленький ребенок, которому срочно нужно по-простому что-то объяснить. Я вспоминала, как мне самой рассказывала что-то сложное мама. И тогда, в первом-третьем классе, я запоминала, что не получается у моих одноклассников, и на продленке, когда мы делали домашнее задание, подходила к ним и просто, в двух словах объясняла, в чем «затык». У меня получалось. И теперь я делаю так же. Я поняла, что в этом аспекте я превзойду своего учителя. Но

– только в этом.

Мне запомнилось, как одна методист, несколько раз приходившая на мои уроки, спросила: «Скажите, как вы так определяете, какой именно вопрос надо задать конкретному ребенку, чтобы он понял то, чего до этого не понимал?» Мне было очень приятно такое услышать. Что-то подобное я в себе подозревала, но делала это скорее интуитивно. Пожалуй, методист сумела это качество сформулировать.

Обратная сторона школьной медали

Мы переехали в Москву, когда мне было десять лет. Зная о предстоящем переезде, я задирала нос. Помню это, и за это стыдно. Казалось, что это как-то ново, по-взрослому: сжигать мосты. Как будто ты дорос до большого города, до того, чтобы жить в столице. Уж там-то все будет иначе, там-то я буду очень стараться. Все с чистого листа: буду стараться писать красиво, и это, помноженное на природную грамотность, сделает мое письмо достойным одних только пятерок… Я не могла себе тогда ответить на вопрос, а что мне мешало удивить Ирину Константиновну и начать аккуратно писать в тетрадях прямо сейчас. Скорее всего, я не верила, что уже составив обо мне мнение, моя учительница сможет его поменять. Я как будто боялась лишний раз открыто выразить уважение, трепет перед ней и даже любовь. Наверное, боялась каких-то ответных чувств… Или думала, что в этом

случае от меня теперь *всегда* будут ждать только красивых работ? А если я не смогу соответствовать ожиданиям и не выдержу? Тогда я бы испугалась ее гнева.

Все из нашего городка стремились в то время в Москву. Как и из других городов в глубинке. Столица – это возможности, как ни крути. Мне в мои десять лет казалось, что, переехав в Москву, я буду жить как-то иначе, на каком-то другом уровне, и надо еще завоевать там авторитет… Все люди, жившие в столице, казались мне особенными. Я по наивности своей не понимала, что везде – и Москва не исключение – люди разные, и дети разные, и учителя разные. И школы. И ценности – тоже.

Ирина Константиновна, зная о моем скором отъезде, смотрела на меня с грустью и молчала. Ни о чем не расспрашивала. Только теперь, с высоты моих лет, я понимаю, почему.

Ад:

Переезд дался тяжело. Я ждала его как праздника, но мне тут же надавали по носу. Не буду останавливаться на том, как тяжело я привыкала к московским расстояниям, к толпам, очередям, к комнате в коммунальной квартире, как боролась со страхом лишний раз выйти в коридор, потому что боялась соседа. Я пишу о школах. И вот самым большим моим разочарованием стала школа в Москве. Я попала в ближайшую к дому, в самый обычный

класс. Казалось бы, все как во Владимире. Те же уроки, та же программа, те же учебники. Те, да не те. Я увидела, что учитель может делать ошибки в записи на доске. И не признавать их. Исправлять верно написанное учеником в тетради на неверное. Я увидела, что урок можно вести, не вставая со стула, а на перемене обсуждать с коллегами свою личную жизнь. Учительница была молоденькая, только после института, недавно вышедшая замуж. Она плакала, а коллеги ее утешали, давали советы, как наладить отношения «с ним». Возможно, она ждала возможности уйти в декрет, но чужие дети ее не интересовали от слова «совсем». Мы не сильно доставали ее, в то время учителя принято было слушаться, на уроках было тихо, но мы ничего не знали по программе. Пионерские галстуки носили формально, никто не проводил с нами классных часов, не беседовал по душам. Поначалу мне было легко, я училась на пятерки, с ходу начав писать в новой тетради аккуратнейшим почерком. ***С требованиями, которые наша учительница не предъявляла к себе, а значит, и к нам, стать отличницей было не трудно.***

Моих слабых мест (сложностей в математике, проблем с почерком) здесь никто не знал, класс подобрался очень средненький, детей мало контролировали дома, некоторые, как я потом

догадалась по характерному запаху, были из очень пьющих семей. А еще меня поразило оснащение школы. Парты и стулья в таком состоянии, что форменное платье было все в зацепках, столешницы разрисованы ручками, и никто их не оттирал. Убирать класс, мыть пол нас не заставляли. Я вспоминала мою школу во Владимире: новые лакированные парты, выкрашенные полы, чистоту, порядок. Мне в голову не приходило, что в Москве может быть хуже. Я не могла себе признаться, что, радуясь переезду, гордясь этим и задирая нос перед Ириной Константиновной, одноклассниками, я в каком-то смысле предавала их. Но реальность давила, отчаяние копилось во мне, как нарыв, и однажды прорвалось. Я зарыдала. Я всегда плакала одна, чтобы никто не видел. Но это продолжалось каждый день, много месяцев. Я не могла привыкнуть к Москве, принять ее. Я понимала, что во Владимир мы уже не вернемся. Здесь у мамы работа. Она поднимает меня одна, без отца. Поэтому и говорить с ней о Владимире не имело смысла. Надо было просто перетерпеть и привыкнуть. Но я не могла.

Я отчаянно любила свой родной город и мечтала вернуться туда. И знала, что никогда не вернусь. До сих пор я воспринимаю Москву как рабочий город, город возможностей. Очень уважаю Москву. Но не люблю, хотя живу здесь уже

почти сорок лет. Каждое лето я во Владимире. Там спокойно моей душе, там воздух детства.

Рай:

Тогда, в 1987-м, я взяла с мамы слово, что при первой возможности мы съездим во Владимир. Я хотела зайти в школу. К Ирине Константиновне. Мама всегда держит слово, сдержала и на этот раз. Помню, была зима. Я приехала в модной дубленке, такой не было ни у кого из моих бывших одноклассников. Сейчас не могу сказать, почему я так поступила, думаю, я пыталась свой стыд, страх, отчаяние, вину скрыть за бравадой превосходства. День был будний, почему-то мы в Москве не учились – это было начало каникул, а во Владимире еще продолжались уроки. Я зашла в класс, Ирина Константиновна посадила меня за свободную первую парту, сказала что-то вроде «Ирина приехала, посиди с нами…» Ребята выполняли задание, Ирина Константиновна склонилась над столом, смотрела на меня спокойно, ни о чем не расспрашивая. Я старалась не встречаться с ней взглядом. Я не могла разрыдаться при всех, сказать, как мне плохо. Как я хочу сюда. Она бы поняла – но другие бы не поняли. А перед ней было стыдно. Как-то сама обстановка (может, ее и создала в тот момент моя первая учительница?) мне подсказала: я отвлекаю всех, они заняты

делом. Я досидела до звонка, подошла к Ирине Константиновне и сказала: «Я буду учителем начальных классов». Вряд ли она поверила мне: обычные детские мечты… Я вышла, не взглянув больше ни на кого.

Никогда я не была больше в своей школе и не видела Ирину Константиновну. Думаю, ее нет уже в живых. *Но… дорогая Ирина Константиновна, я сказала вам правду: я поставила себе цель, и я ее достигла.*

Ко всему привыкаешь. Я привыкла к московской суете, освоила метро (в одиннадцать лет сама ездила в любую точку, помнила все пересадки), дотерпела до переезда в отдельную квартиру, поменяла школу (правда, она мало чем отличалась от предыдущей московской), у меня появились друзья. Окончила девять классов, и подруга рассказала мне, что пробует поступить в лучшую тогда школу Москвы. Кто в курсе, меня поймет: сейчас это школа 654 имени Фридмана. В мое время ее называли ШПЧ (шесть-пять-четыре, Школа Поборников Чести, Школа Поиска Человека), а в аттестате у меня написано «Московская городская Люблинская гимназия»). В моей школе возле дома десятый класс тогда не открывали, терять было нечего, и я решила попробовать.

Я почитала вопросы для поступления и пришла в ужас. Мне этого ни за что не осилить. Училась я в среднестатистическом классе, но только на «четыре» и «пять», свободного времени хватало, чтобы заниматься в музыкальной школе,

делать уроки и потом до вечера гулять с друзьями. А когда я увидела билеты к экзамену, у меня возник только один вопрос: а что до сих пор я в школе делала, если всего этого не знаю?! Если бы мы это проходили, если бы это задавали, я бы выучила! Мама воспитала во мне зашкаливающее чувство ответственности (которое, кстати, мешает мне всю жизнь). И уроки со мной она делала, проверяла, объясняла непонятое, всегда «держала руку на пульсе». Не было такого, чтобы я пошла в школу, что-то дома не проработав и не усвоив. Но все, что в билетах – как это мимо меня прошло?!

Но решение принято, надо было пробовать. Так сказать, без отрыва от производства, от учебы в своей школе. И я стала готовиться. Помню, перед экзаменом по истории я впервые в жизни не спала всю ночь, учила. Пока ехала в метро, валилась с ног. А в голове была такая каша – казалось, если зададут неожиданный вопрос, обязательно начну рассказывать не то. И, о чудо! – я сдала на «пять». Счастью не было предела. С русским и литературой проще, это «мои» предметы, а вот английский подтягивала с репетитором. Устные темы учили с мамой.

В 654-ю меня приняли. Ее преимуществом был не сравнимый с другими школами уровень подготовки. Фридман создал уникальную школу, где дети именно учились. Нет, не то слово. *Пахали*. Я не знаю ни одного человека из нашего выпуска 1994 года, который занимался бы с репетитором. Не существовало понятия «нормы домашнего задания». *Сколь-*

ко необходимо, чтобы усвоить материал, столько и задавали. И мы все выполняли. Дисциплина была железная, все по-взрослому. Некоторые предметы вели вузовские преподаватели. Из этой школы уже в мае можно было досрочно поступить в несколько вузов. Математический класс почти в полном составе был зачислен в МГУ. Я после досрочных экзаменов прошла в два педвуза, в том числе и в Ленинский (МПГУ). Волновалась, но конкурентов у меня не было, я это понимала – слышала ответы других поступающих. На моих глазах несколько девчонок побросали билеты и ушли. Я недоумевала. Вопросы легкие, вы что, не готовились совсем? Не можете даже начать отвечать?

Особенный неоценимый навык, который дала мне гимназия Фридмана: я умела сдавать экзамены. Каждую четверть нас учили именно этому. Была зачетная неделя, без уроков, в формате экзаменов по профильным предметам. Нас учили готовить к сдаче сразу большой пласт материала и преодолевать стресс. Учили грамотно излагать мысль, говорить. Отвечать на неожиданные вопросы. Я не знаю ни одной школы, которая могла бы повторить успех школы Фридмана.

На вступительных экзаменах в МГУ с одним из моих одноклассников произошел удивительный, но закономерный для нашей школы случай. Мы проходили «Поднятую целину» Шолохова, но в некоторых вузах могли задать вопрос и о «Тихом Доне». Пройти и то, и другое просто нереально, это объемные произведения, мы этого не успевали даже в нашем

гуманитарном классе, где литература была каждый день.

Вечером перед вступительным экзаменом уже засыпающему моему однокласснику мама-филолог на всякий случай кратко пересказала «Тихий Дон», назвала имена основных героев, более ничего. По его словам, он мало что запомнил. И надо ж такому случиться, что именно этот билет ему и достался. Пережив ужас и попрощавшись с перспективой попасть на филфак МГУ (тогда еще не ввели ЕГЭ, пять вузов выбрать было нельзя, поступали только в один), он понял, что надо хотя бы попробовать «умереть достойно». Он вспомнил все, чему нас учили в гимназии Фридмана: *«Никогда не показывайте, что растерялись и чего-то не знаете. Отвечайте. Боритесь до конца. Не молчите!»* Рассказал экзаменаторам все, что знал о творчестве Шолохова, привел наизусть цитаты критиков, затронул проблематику и систему образов «Поднятой целины» и стал подбираться к «Тихому Дону», понимая, что если его сейчас не прервут, будет конец. Всему. Однако тех знаний, которые он уже продемонстрировал, преподавателям МГУ было достаточно, чтобы понять, что пришел умный и достойный абитуриент, и беседовать по «Тихому Дону» подробно не пришлось. Парень поступил в МГУ с высоким баллом.

Именно подготовка в школе Фридмана позволила мне и моим одноклассникам уверенно сдавать экзамены и быть выше других абитуриентов на две головы. Это и было целью (не единственной, конечно) создания такой школы, ра-

ди этого туда стремились попасть. Сам Анатолий Давыдович Фридман говорил (выступать он умел, захватывал внимание, обладал несомненной харизмой): «Мы воспитываем интеллектуальную элиту». Родителям не стеснялся напоминать: если вас что-то не устраивает – вокруг полно обычных школ. Возражений просто не слушал. Много лет его школа выпускала по 7–8 параллелей со стопроцентным поступлением в вузы, в том числе с досрочными экзаменами.

Учиться сюда ездили со всех концов Москвы. *Обстановка была создана такая, что не учиться было нельзя.* Просто стыдно прийти и выглядеть глупо. Я день и ночь сидела за книгами и все равно дотянуться до отличников не могла. Мне казалось, остальные за то же самое время подготовились лучше, прочитали больше, лучше понимают материал на уроках. Как было на самом деле, я не знаю до сих пор, но однажды услышала от того самого приятеля, который потом так чудесно поступил в МГУ: «Мне кажется, Ирку хоть вверх ногами привяжи, она все равно будет хорошо учиться». Я поняла, что впечатление у одноклассников обо мне неплохое.

Мне не хватало времени даже на общение, на дружбу. Многие казались мне высокомерными, я боялась подойти и что-то спросить лишний раз. Но я знала главное: я здесь ради одной цели – поступить в лучший педагогический вуз страны и стать учителем начальной школы. К концу одиннадцатого класса у меня стала страшно болеть голова. Я приходила

домой, обедала и садилась за уроки. Заканчивала в первом часу ночи – и все равно не успевала все, что нужно было бы. Правда, в школе никогда в этом не признавалась.

Не было еще в помине никакого ЕГЭ (слава Богу!), нас учили писать сочинения, давать развернутые ответы, рассуждать, доказывать свое мнение, подтверждать критикой – заставляли учить наизусть некоторые критические статьи и прозу и не принимали письменных работ без цитат. Поступая в вуз, я убедилась, как это было правильно. Я оценила, какую великолепную подготовку нам дали, и *буду благодарна всю жизнь.*

Теперь я вижу, какой стала эта школа в новых современных условиях, без Фридмана, и мне бесконечно больно.

Ад:

Однако было еще кое-что. Я никогда не чувствовала себя комфортно в этой школе. Каждый день мне было страшно. Страшно опоздать, страшно не доучить, не ответить, допустить ошибку, показаться глупее, не расслышать, пропустить важное. Я была в постоянном напряжении. Дома мне давали бутерброды, потому что в столовую я не ходила: еда там была невкусная, много народу, страшно не услышать звонок и опоздать на урок. Войти в класс, когда все уже на местах, я считала позором. Но даже эти бутерброды я часто приносила в портфеле обратно домой. Иногда боялась, что

достану, начну – и не успею доесть до конца перемены. Лезли в голову глупости, что более успешные одноклассники будут косо смотреть, если вдруг запахнет колбасой. Никогда подобного за ними не замечала, но все равно опасалась – наверное, боялась быть уязвимой, не важно, в чем.

Я подозревала, что у ребят, проучившихся несколько лет вместе, есть какие-то отношения и вне школы, но не понимала, как у них хватало времени?! И это тоже заставляло думать, что я не дотягиваю. Либо я выкладываюсь в учебе, как только могу, либо думаю, как говорится, «о красе ногтей», кокетничаю с мальчиками, но тогда моя цель – поступление в вуз – мне заказана. Я выбрала первое. Не то чтобы я сильно расстраивалась из-за того, что не общаюсь с одноклассниками вне уроков. Да они и не очень-то пускали в свой мир. Скажу так: анализировать эту ситуацию у меня тоже не оставалось ни сил, ни времени.

Я была похожа на наших олимпийцев. Чтобы выиграть Олимпиаду, надо подчинить этой цели все. Ни о чем другом не думать. Об этом много говорили наши пловцы, фигуристы, гимнастки. Мои ставки были так же высоки, нервное напряжение последних двух пред вузом лет – таким же.

Я выпала из жизни во всем остальном:

перестала слушать современную музыку, никуда не ходила, не виделась с друзьями, не замечала, как появлялись новинки в одежде – все прошло мимо меня. Однажды, в какой-то чудом возникший свободный выходной я встретилась с ребятами из своей предыдущей школы. Кто-то из них обронил новое молодежное слово, все засмеялись, согласились, поддержали. Все поняли. А я – нет. Как-то почувствовалось, что пропасть растет. Стало грустно, но отвлекаться было некогда. Дома ждали статьи Писарева.

Наша классная руководительница была жестким, но потрясающим профессионалом, глубоко знала литературу. Почти все – наизусть. Цветаевско-ахматовская манера общаться с нами, вести уроки, вечно отрешенно глядя в окно, как бы мимо нас, находясь где-то выше – и в то же время здесь. Невозможно угадать, что она на самом деле думает о тебе, о твоем ответе. Чем больше пытаешься понять, заглянуть в глаза, тем большее фиаско претерпеваешь. И от этой холодности страх, постоянный страх. Разочаровать, не попасть в струю, обнаружить перед ней и перед всеми, что как раз этот момент ты не дочитал, не успел, заснул, лихорадочно в ночи заканчивая главу, по которой будет сегодня урок… Уже окончив школу, потом, через много лет я выяснила, что нечто похожее чувствовали *почти* все ученики нашего класса, если не все.

А я-то думала, что все уверены в себе, только одна я че-

го-то боюсь! С девочкой, с которой когда-то после девятого класса мы поступали в гимназию Фридмана, мы ходили несколько лет подряд на встречи выпускников, и происходило удивительное. У многих уже появились дети, многие стали очень успешными людьми, в том числе бизнесменами, некоторые – директорами корпораций. *Но оказываясь на встрече в школе или рядом с ней, мы снова будто занимали те же ниши, которые были нашими во времена учебы. Возвращался неизвестно откуда страх.* Мы играли те же роли, хотя некого и нечего было больше бояться, все было завоевано, цели достигнуты, да и учительница появлялась на этих встречах редко. Та же девочка спрашивала меня осторожно, когда мы уже уходили домой: «Ира, ты тоже это чувствуешь? На каком крючке мы сидим?!» Но мы не могли себе ответить.

Это обратная сторона школьной медали, травма, которая оставила глубокий след в наших душах, и мы излечивались от нее годами. В какой-то момент я решила никогда больше не ходить на встречи выпускников и ничего не вспоминать. Не скажу, чтобы мне очень интересны были мои одноклассники и их жизнь. Мы никогда не дружили.

Мне стало чуть проще и легче, когда лучшая на свете школа стала уходить все дальше в воспоминания, исчезать из моей нынешней жизни.

Рай:
Но вот совсем недавно, когда после окончания

гимназии прошло 30 лет, тот самый парень, который чудесно поступил в МГУ, решил организовать нашу встречу. 30 лет… Не могу себе объяснить, зачем, может, хотела еще раз проверить себя, но я пошла. Все отмечали, что встреча получилась потрясающей, этого никто не ожидал. Я вдруг стала участницей откровенного разговора о школьных страхах, о том плохом и хорошем, что каждый запомнил и что несет через всю жизнь.

Беседа эта оказала необыкновенный психотерапевтический эффект, я почувствовала, что у всех словно пали оковы. Мы сорвались с крючка, о котором когда-то говорила моя одноклассница. Я впервые была среди этих людей собой. Я увидела, что и их мучили те же страхи, и они это так же пытались скрыть тогда, во время учебы. Мы стали понимать друг друга. Мы спорили и не во всем были согласны: например, у меня нет никакой обиды на классного руководителя за ее жесткость, потому что я понимаю ее как коллега. Теперь – как коллега. Думаю, что она не была бы собой, если бы вела себя иначе.

Ребята вспоминали эпизод, который случился до моего появления в ШПЧ, но о нем еще долго говорили в школе. В восьмом или девятом классе пропал журнал. Пропал бесследно. Так и не нашли. Был большой скандал. Классные журналы

хранятся в архиве много лет, это документ, потерять его – преступление, восстановить с точностью невозможно (электронных журналов тогда не существовало). Кто-то говорил, что его закопали далеко от школы. Можно было, конечно, подумать на двоечников, желавших скрыть от родителей очередной «неуд». Но в гимназии Фридмана почти не было таких. Тогда кто и зачем? Случайная двойка у отличника? Вычисляли, у кого, кто мог. Так и не выяснили. Но сейчас, на встрече выпускников, нас интересовало не это: мы обсуждали с болью и почти со слезами, что не согласны были с действиями классного руководителя. Ребят тогда собирали, вели долгие беседы, психологическое давление переходило все границы. И теперь, через тридцать лет, мы спрашивали друг у друга: так ли велик был проступок, стоил ли он такого наказания. Мы спорили: «Перестань, это как понимать… ты же не брал журнал?», «А что учителю было делать, ей тоже влетело…», «А я понимаю», «А мне было все равно», «Нет, учитель не должен был так делать»… Я увидела перед собой уже другое – разные типажи современных родителей. И так и не решила, на чьей я стороне. Для меня было ценно, что спустя тридцать лет я увидела своих одноклассников обычными, понимающими, вовсе не высокомерными

людьми.

Я все это пишу сейчас не для того, чтобы рассказывать о пережитом в школе. Я хочу сказать главное: *чтобы дети могли расти, развиваться, идти вперед, надо учить их решать именно те задачи, которые в данную секунду им не по плечу. Вернее, они думают, что не по плечу.* Задачи, от которых здесь и сейчас – страшно. Но преодоление возвышает. Делает тебя победителем: над собой, над ленью, над страхом незнания. И только тогда ребенок будет учиться брать новые и новые вершины. Школа Фридмана учила нас по таким принципам. Поэтому было так тяжело. И тем слаще были победа и успех.

Например, в десятом классе я впервые узнала, что, оказывается, можно задать выучить наизусть не просто абзац прозы, а несколько страниц критики. Зачем это нужно – стало понятно позже, когда мы начали использовать цитаты в сочинениях в качестве аргументации. Но сперва, получив задание – выучить наизусть статью Писарева, мы приходили в ужас, и у всех был один вопрос: а когда это делать?! Но спросить об этом учительницу даже в голову не приходило. Да она и не увидит наших лиц – всегда смотрит, как помните, в сторону (только теперь я понимаю, что не просто так!), и своим уверенным молчанием дает нам понять: да, учим, это естественно, правильно, иначе нельзя, а разве может быть иначе? И ты выучиваешь. И понимаешь, что уже чем-то отличаешься от молодежи, шастающей по улицам. И задира-

ешь нос.

А представьте себе такое же задание в современной школе. Перегруз! СанПиН! Нормы! Я зажмуриваюсь и уже жду удара, проигрывая в воображении ситуацию: жалобу в департамент от яжематерей. Да-да! Они не дремлют. Помочь ребенку с домашним заданием у них нет времени и сил, а жалобу накатать – легко! И нажатием одной кнопочки отправить… Поэтому и нет больше такого образования, какое получила я.

Я убеждена, что *никаких норм домашних заданий не должно быть. Учитель знает, сколько нужно поработать ученику, чтобы усвоить тему.*

Бывает, тяжело ложится что-либо в голову. Кому-то легче, кому-то труднее. Есть темы, которые не дашь играючи. Таблицу умножения, например. Сколько ни рисуй ее в картинках, сколько ни придумывай компьютерных игр для запоминания – ее надо сесть и выучить. Это труд. Я преподаю еще и английский язык и знаю: чтобы в голове уложились времена, чтобы ребенок научился их различать и понимал, в какое из них перевести русское предложение, надо по каждому времени написать предложений не менее ста. О каких нормах мы можем здесь говорить? Каждый из нас помнит: когда не решалась задачка, всей семьей решали. И не считали это зазорным, не ругали школу и учителей.

Я считаю так: э*то твой ребенок. Ты в конечном итоге отвечаешь за его образование и успех. Родитель.*

Поэтому выдуманное чиновниками (с какой целью?) *понятие «объем домашнего задания» – для первого класса столько-то, для второго столько-то – тоже направлено на разрушение образования, на то, чтобы дети искали поводы не делать заданного, а взрослые потребители – родители – повод пожаловаться.* Ведь очевидно: кто-то хватает на лету, кто-то нет. Не понял письменные вычисления в столбик – надо прорешать очень много. Сидеть и делать. Только тогда уляжется, станет навыком. Компетенцией. Это твой труд. Нельзя бросать, надо проявить силу воли и стараться. Большинство современных детей стараться, к сожалению, не умеют.

Никаких игр, развлечений, пока не сделано дело. *Если бы это правило соблюдалось в каждой семье, поверьте, не было бы жалоб, не уходили бы учителя, и школьники легко сдавали бы любые экзамены – и те, что сдавали мы в советское и постсоветское время, и нынешний ЕГЭ.*

Украденный первый класс

Университет дал мне не только педагогическое образование. Он научил многозадачности. Не скрою, учиться мне было несложно, по основным предметам я не открыла почти ничего нового курса до третьего, училась по старым школьным тетрадкам. Спасибо, гимназия Фридмана! А все, что касалось педагогики и методики, я впитывала очень внима-

тельно. Задавала вопросы, примеряла к реалиям. И сразу решала: это мне подходит, а это – нет. Прекрасно помнила опыт из детства, когда я находила нужные слова для одноклассников, объясняя им непонятый материал, и молчаливо спорила с Ириной Константиновной: нет, тут не так, надо вот так ему сказать, попроще, и он поймет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.